

СВЕТЛАНА ВОРОН

ВЕРНИ МЕНЯ
К ЖИЗНИ, ВОЛК

Светлана Ворон

Верни меня к жизни, волк

<https://litres.ru/74204863>

Аннотация

18-19.07 РАСПРОДАЖА всех книг Он - оборотень, несдержанный и особо опасный, которого должны уничтожить. Она - пострадала в аварии и потеряла память. Им запрещают быть вместе. Но девушку, искалеченную судьбой, вернуть к жизни может только он! Притяжение между ними непреодолимо. Смогут ли герои противостоять навязанным правилам и обрести любовь вопреки всему?

- потеря памяти - встреча через время - тайны прошлого - адекватные герои - медленное развитие отношений - young adult - исцеление и Хэппи энд

Вторая книга цикла, Бонус от Халле - "Истинная под запретом"
Третья книга цикла - "Моё сердце принадлежит (не) тебе, волк"

Ваши звездочки, библиотеки и подписка на автора согреют авторское сердечко=))

Содержание

Глава 60. До последней капли крови	4
Пролог	11
Глава 1. Девушка без прошлого	15
Глава 2. Гость на пороге	23
Глава 3. Ну да, я такой	32
Глава 61. Превращение	38
Часть 4. Ты стала послушной дочерью?	47
Глава 5. Татуировка	53
Глава 6. Один из тех неловких моментов	60
Глава 62. Мой парень – альфа?	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 60. До последней капли крови

Казалось, Эрлинг сторбился на мгновение, острые когти на покрытых светлой шерстью лапах, появившихся вместо мускулистых рук, полоснули Криса по лицу, а в следующую секунду огромный белый волк отлетел к кромке леса, кубарем покотившись по траве.

Одежда Криса исчезла в яркой вспышке серебристых искр, любимый мужчина, так долго оберегавший меня от своей чудовищной стороны, больше не был человеком.

На моих глазах он раздавался в размерах, стремительно превращаясь в монстра: длинные руки увенчались изогнутыми когтями, плечи стали вдвое шире и покрылись светло-серой шерстью, сквозь огромные зубы вырвалось свирепое рычание, а желтые глаза, обычно горевшие умеренным огнем, теперь полыхали ярко-красным пламенем.

Прямо как у Белтрана... Словно Криставиан был не оборотнем, а демоном, выпрыгнувшим прямо из преисподней.

Электричество плясало по его серебристой шерсти, кон-

центрировалось в кулаках и било по всему телу, словно того, что он и так вышел из себя, недостаточно, и нужно полностью отнять его человеческий разум.

Но даже сейчас я не могла его бояться. Я любила его так сильно, что бросилась бы защищать, если б могла. И верила, что, даже уступив контроль зверю, он не причинит мне вреда.

 - Не надо! – умоляла я их обоих, захлебнувшись слезами.

Одинаково сильно боялась и за друга, и за возлюбленного. Я не хотела, чтобы они калечили друг друга.

 Меня никто не слушал. Я наблюдала драку, прикрыв обеими руками рот и задыхаясь от страха.

Вскочив на четыре лапы, целый и невредимый белый волк бросился на Криса с рычанием, достойным злодея фильма ужасов.

Кристав упруго прыгнул наперерез, тела слились в бешеный рычащий клубок, и я отчетливо осознала, что сейчас потеряю обоих.

Кто бы ни погиб в этой схватке, семья, примчавшаяся на помощь – будут это оборотни Эрлинга или полукровки

Тэмиана, - продолжит битву до последней капли крови, пока в живых не останется только одна противоборствующая сторона.

В панике я ждала самого кошмарного финала, молчаливо роняя слезы и проклиная судьбу.

 И вдруг клубок распался. Кристав сидел на волке верхом, прижимая большую мохнатую голову к траве. Я не верила глазам, но никаких повреждений ни у одного, ни у второго не было заметно. Пока что.

 Когти на белых лапах оборотня взрывали землю, он тряс головой, пытаюсь скинуть седока, но Крису хватило силы, чтобы побороть такого громилу. Или опыта.

Не зря Белтран месяцами держал своих солдат в волчьей форме, заставляя их драться друг с другом. Слабые погибали, достойные выживали и становились только сильнее. Мне было жаль, что Крису пришлось через это пройти, но именно те ужасные испытания спасли его сейчас от гибели.

Казалось, драка подошла к концу, Халле пора сдаться. Кристав не собирался причинять ему вред, только сдерживал. Ждал, пока волк успокоится и признает свое поражение.

Но разве мужчины способны уступить сопернику, особенно если считают, что тот слабее?

Улучив момент, Халле невероятным усилием резко оттолкнулся от земли и стряхнул ношу с плеч.

Я закричала, когда стремительная белая тень метнулась к серебристому оборотню и повалила его на землю. Ужас проник в каждую клеточку моего тела и разорвал сердце на кусочки. Я словно перестала существовать, переродившись в сам страх.

Рычание переросло в болезненный вой. Две серебристые лапы обхватили Халле, будто в любовном объятии. Спина белого волка сотрясалась от свирепых усилий, пока он душил моего любимого. А потом...

Белый волк затих, но почему-то не спешил освободиться, отбросить поверженного и ненавистного противника в сторону. Напряженные лапы дрожали, вой превратился в жалостливый скулеж.

Медленно, очень осторожно клубок будто бы откатился в сторону, и вот уже Криставиан оказался наверху, к моему бесконечному потрясению.

Он словно бы бережно положил противника на траву, удерживая от резких телодвижений когтями. Огромные зу-

бы сжимались на шее Эрлинга в мертвой хватке, не рвали и не кусали, но и не давали послаблений. И стоило оборотню дернуться, страшные челюсти напрягались еще сильнее.

Вся ссора наверняка не заняла и пары минут, но мне казалось, будто время застыло.

Наконец, Халле затих. Прекратил борьбу. Лишь глаза отчаянно вращались и источали... нет, больше не гнев. Унижение, признание неудачи.

Страшные челюсти постепенно разжались, но Халле остался лежать на земле. Ни жив, ни мертв. Он был раздавлен своим провалом. Сдался.

Полукровка сразу метнулся ко мне, его облик стремительно возвращался в человеческий, и возле машины он уже снова был собой.

Красные дьявольские глаза пожелтели и наполнились сильнейшим беспокойством, когда он начал гладить мое лицо, шепча что-то неразборчивое. Я смотрела на белого волка.

Не сразу поняла, что что-то бормочу, только когда Криставиан ответил:
- Все будет хорошо, Флоранс, он не по-

страдал, я не причинил ему вреда, клянусь! Я победил его, Халле подчинился. Его сестры уже здесь, они ему помогут. Договоренность не нарушена, так что меня никто не тронет. Пожалуйста, посмотри на меня... все живы, Халле более чем в порядке. Пострадало только его самолюбие.

- И ты... - надрывно шепнула я, заметив на его губах алые пятна.

- Это не моя кр... - он резко осекся, сердито вытерев рот рукой, но я уже догадалась, что он не договорил.

Это была кровь Халле. Схватка не могла пройти гладко, взрослые парни – не волчата, играющие в войнушку понарошку. И если бы не благородство и не невероятный самоконтроль Криставиана, мой друг не отделался бы легкой царапиной, которая наверняка сейчас уже зажила.

 Несколько волчиц как тени выплыли из леса, окружили брата и помогли подняться. Повели его прочь, сжимая плечами с двух сторон.

Белый оборотень повернулся у кромки леса, чтобы в последний раз с невыносимой тоской взглянуть в мои глаза. Прощаясь навсегда. И потом исчезнуть в черной глубине леса.

- Я стану такой же?.. – разрыдалась я, заглядывая в люби-

мые желтые глаза и просто не веря, что буду ужасным зверем – рычащим чудовищем, бросающимся на все, что движется, стоит лишь чуть-чуть разозлиться.

Не только безумие Халле, но и свирепость Криса о многом мне сказала.

Я увидела двух настоящих оборотней, потерявших себя, заглянула в лицо собственного будущего, которое наступит очень скоро.

 - Нет, – убежденно шептал Кристав, губами осушая мои слезы. – Я всегда буду рядом, каждую минуту, и не позволю тебе совершить ошибок.

 - Обещаешь? – отчаянно взмолилась я, желая поверить его словам.

 - Клянусь! – Трепетный поцелуй обжег мои дрожащие губы, напоминая, каким нежным и осторожным может быть даже полукровка, оставаться человеком после такого жестокого противостояния, прекрасно контролировать себя без всяких браслетов. – Клянусь, Флоранс, мы сможем пройти через это вместе!

Пролог

Он - оборотень, несдержанный и особо опасный, которого должны уничтожить.
 Она - пострадала в аварии и потеряла память.
 Им запрещают быть вместе. Но девушку, искалеченную судьбой, вернуть к жизни может только он!
 Притяжение между ними непреодолимо. Смогут ли герои противостоять навязанным правилам и обрести любовь вопреки всему?
 В книге вас ждет:
 - потеря памяти
 - встреча через время
 - тайны прошлого
 - медленное развитие отношений
 - исцеление и Хэппи энд

- Ты зайдешь ко мне домой? – взволнованно попросила я, когда парень бережно подхватил меня на руки.

На мгновение я оказалась прижата к широкой груди. Сладкий и терпкий аромат мужчины окружил меня, горячей волной вырвавшись из-под рубашки, и я застыла, потрясенная силой его воздействия.

В одно мгновение я перестала быть собой, превратилась в чистое желание. И эта потребность, этот невыносимый голод смели все мои принципы и устои. Исчезло родительское

воспитание, отступили скромность и смущение...

Наши лица на секунду оказались так близко, что у меня зачесались руки прикоснуться к светлым волосам, очертить кончиками пальцев гладкие скулы и мягкие губы...

Сердце заныло, забилося в два раза быстрее, волна огня ударила в лицо. И Кристав замер, буквально окаменел, словно физически ощутил мою реакцию.

Шокированная и пристыженная, я опустила глаза, но успела заметить сбившееся дыхание парня.

- Так ты зайдешь или нет? – поторопила с ответом я, пытаясь хоть чем-то отвлечь нас от образовавшегося сильнейшего притяжения.

- Мне придется, - ответил он шепотом с хрипотцой, аккуратно усаживая в кресло, но не спеша убрать руки. – Он мог подослать кого-то и сюда.

Упоминание о нападении мужчины со смоляными волосами вернуло меня на землю, взгляд невольно заскользил вокруг в поиске врага.

- Пока здесь никого нет, - уведомил Крис, плавно толкая

коляску к дому.

- Откуда ты знаешь? – пробормотала я, вглядываясь в окружающую черноту, подсвеченную фонарем только на аллее.

- Знаю и все, - не стал вдаваться в подробности парень.

Дом с приходом Криса преобразился и наполнился светом. Я почти не могла дышать, находясь в состоянии потрясения и невероятного оживления, хотя не могло быть этому ни оснований, ни объяснений.

Я не должна была увлекаться красивым спасителем, наверняка не испытывающим того же к калек. Но невозможно было добровольно отказаться от этой сладкой пытки, сжимающей сердце и ускоряющей его неровный ритм.

- Что будет, если монстр придет сюда? – спросила я, мужественно переключаясь с откровенного разглядывания белокурого гостя на насущные вопросы.

Криставиан обошел кухонный стол, создавая барьер между нами, как будто тоже боролся с притяжением, и ему удалось это с большим трудом.

Я ненавидела метры, разделившие нас, но в то же время хоть немного смогла перевести дыхание.

- Я сделаю все возможное, чтобы защитить тебя.

Глава 1. Девушка без прошлого

- Хватит, Флоранс, ты уезжаешь в Велминтон к отцу!

- Ни за что! - Я не представляла, как смогу покинуть Бе-пре – город, в котором родилась и выросла, знаю и люблю каждую улочку.

Пусть я и потеряла после аварии всех своих друзей, это не значило, что в новом месте сложится лучше.

- Нет, мама, я все решила: я останусь здесь, не хочу даже слышать об отъезде.

- Детка, я не могу нормально о тебе позаботиться, - смягчилась Шарлетт, выглядя невыносимо сочувствующей, а я терпеть не могла, когда меня жалеют. – Слишком много работаю, а тебе нужен уход. Аврон и Фелина сделают все воз-мо...

- Я сама могу о себе позаботиться, - оборвала я, обиженно толкая инвалидную коляску к дому; мама помогла лишь вкатить ее по шаткому пандусу, временно собранному из нескольких широких досок. – Сделаешь бетонный скат, и я смогу даже в магазин выбираться.

- Нет, это категорически исключено, - сердито хлопнула мать входной дверью, помогая мне снять утепленную куртку, и свое пальто тоже вешая на крючок.

Я грустно улыбнулась, насколько это было возможно с моим новым лицом, когда она покатила мою коляску из прихожей в гостиную.

- Спасибо, я справлюсь, - с сарказмом процедила я, руками нажав на тормоза, чтобы Шарлетт прекратила делать все за меня, словно я беспомощный младенец. Даже если я больше не могу ходить, с руками-то у меня в порядке, по крайней мере! И с чувством собственного достоинства.

Я указала в сторону плиты, на которой стояла сковорода с приготовленными творожными пончиками – сделанными моими руками самостоятельно! Не очень удобно перемешивать и резать на коленях, но с тех пор, как Шарлетт освободила верхние кухонные полки, разложив все необходимое на расстоянии вытянутой руки, готовить стало намного проще. И я настаивала на том, что обойдусь без няньки.

- Если я уеду, мне будет даже сложнее приспособиться. У отца еще меньше времени на меня, и я совсем не знаю город, так что не смогу полноценно себя обслуживать, по крайней

мере, несколько недель.

- Милая, - перебила мама, игнорируя все мои возражения, словно ей было плевать на мои чувства, а только хотелось добиться своего, - Аврона найдет средства, чтобы нанять для тебя помощницу и...

- Еще чего! Нет, никаких сиделок, - развернувшись, попыталась я убраться подальше от очередного нарастающего скандала, но где спрятаться в маленьком доме? – Здесь я чувствую себя гораздо комфортнее, потому что все знаю. Я уже наловчилась готовить... и остальное освою. Если перееду в Велминтон, папа навяжет мне и домработницу, и лечение – а ты знаешь, как я этого не хочу!

Ощувив предательскую влагу, и я изо всех сил сморгнула ее прочь из глаз, не желая показать слабость, а то мама решит, что дело в шляпе, и усилит давление.

Шарлетт устало упала на стул, качая головой в смятении и пряча собственные слезы – знала, как я ненавижу ее жалость. И раскаяние, будто бы она в чем-то виновата, и эту ужасную обреченность, словно она смотрит на меня как на живой труп – на дочь, у которой нет теперь будущего.

Но лучше уж Шарлетт, к которой я хотя бы привыкла, чем

«гипотетический Аврон», которого я вовсе не знала, видела лишь несколько раз за всю жизнь. Они с Фелиной приезжали в больницу, в которой я лежала долгие несколько месяцев, и в реабилитационный центр, предлагая помощь, и в дом Шарлетт, но я так и не вспомнила лицо отца, как ни старалась. Он стал чужим человеком.

Отправить меня в Велминтон было все равно что сдать меня в интернат! Отдать на поруки совершенно незнакомым людям, в неизвестный город... лучше уж я останусь в Бепре, который успела изучить вдоль и поперек за последние месяцы моей «новой жизни». Сумрачное, ветреное и холодное место, но уже хотя бы привычное.

- В Велминтоне тебе будет лучше, детка, - настаивала Шарлетт, но я уже заметила в ее лице первые признаки колебаний – порой ей было так страшно за мое психическое здоровье, что она боялась излишне передавить. – Аврон врач, и если ты доверишься его опыту и связям, уверена, рано или поздно он поставит тебя на ноги.

- Этого я и боюсь, - мрачно буркнула я себе под нос, вспоминая бесконечные серые дни, проведенные в разных «крутых» клиниках, где улыбчивые врачи один за другим обещали мне ровно то же самое, а затем беспомощно разводили руками, лишая очередной надежды.

И всякий раз моя печаль лишь усиливалась.

- Не сдавайся, Флоранс, - взмолилась мама, оценив мое невеселое настроение, - прошу тебя.

Отчего же я упрямылась? Так уверенно настаивала на своем?

Я бы не назвала себя отчаявшейся или сдавшейся, как считала мама, просто мне надоело сражаться. Переезд пошел бы на пользу, вероятно. Но только если б все оставили меня в покое.

Велминтон – более теплый город, чем Бепре, в нем больше свободы и развлечений. В доме отца у меня была бы не только своя большая комната, оборудованная всеми современными удобствами, но и отдельная ванная, и подобранная лично мною «помощница», и доступ к услугам такси, чтобы я могла передвигаться по городу.

Но я-то знала, что Шарлетт хочет отправить меня туда не для того, чтобы меня окружили заботой и любовью. А чтоб отец принял на себя эстафету «лечения меня», заставил силой или уговорами поменять решение.

И вновь начнутся эти бесконечные и раздражающие приемы, консультации, томографии и процедуры... которые ни к чему не приведут, но покоя точно лишат. При одной мысли о них меня тошнило.

Было в моем сердце и что-то еще, какая-то таинственная связь с Бепре, которую я не помнила, но исподволь до сих пор чувствовала.

Идея о смене места жительства пугала так сильно, словно Велминтон находился на Луне, и переехав отсюда, я потеряю нечто очень важное, никогда не раскрою загадок прошлого. Я должна была жить здесь. Ничего не могла с собой поделаться – меня обуревал дикий страх перед переменами.

Доктор Генье говорил, что эта фобия – еще одно следствие аварии. И постепенно пройдет.

Резко развернув коляску, я покатила в свою комнату, находящуюся теперь на первом этаже ради моего удобства.

Хотя я и не могла вспомнить, что жила раньше наверху, но знала со слов матери об этом. Маленькая и тесная коморка с минимумом вещей, даже шкаф пришлось вынести в гостиную, чтобы поместилась мое инвалидное кресло.

Но я не жаловалась: в каком-то смысле небольшой размер создавал романтику и уют, и я чувствовала себя здесь, как в удобной норке, где легко можно спрятаться от бурь и трагедий внешнего мира.

- Доктор Генье сказал, что память восстановится, только если я буду находиться в знакомом месте, - заявила я твердо, не собираясь повиноваться воле матери, желающей избавиться от надоевшей дочери, которая была трудным подростком и до аварии, а теперь и вовсе превратилась в ворчунью.

Шарлетт пробормотала мне вслед тихо и угрюмо: «Может, было бы лучше не вспоминать...», но я не была уверена в точности расслышанной фразы.

Как можно желать дочери жить в забвении? Без воспоминаний моя искалеченная жизнь не имела никакого смысла...

Я превратилась в белый лист, на котором кровавыми буквами написано только два слова: «автомобильная авария». Лица без имен, девушка без прошлого – я больше не была Флоранс Пайни, я стала кем-то другим, только-только начинающим жить.

Вот только жизнь эта была совершенно бесперспектив-

ной...

Глава 2. Гость на пороге

В основном я читала. Было что-то полезное в потере памяти – я открывала сюжеты старых книг заново. Но все остальное исчезло безвозвратно: родители, друзья, годы жизни, привычное окружение.

Я словно родилась заново, но уже взрослой. И... не такой целой. Как разбитая ваза, которую, как могли, склеили, но она никогда не будет прежней.

Я даже не знала, смогу ли когда-то вернуться в школу, закончить университет! Попытка случилась: спустя несколько месяцев реабилитации, когда мы вернулись домой, мама настояла, чтобы я продолжила обучение наравне со всеми. По ее мнению, это «вытащило бы меня из депрессии».

Все вышло ровно наоборот: оказалось, одноклассники недолгоблюдали меня и до автокатастрофы, а теперь получили шанс отомстить за все нанесенные обиды.

Не знаю, что я им сделала в прошлом, и почему они так сильно на меня злились, но они устроили мне настоящий бойкот, превратив учебу в пытку.

В конце концов я не выдержала невыносимой обстановки и отказалась появляться на уроках, невзирая на то, что пришлось выдержать несколько серьезных скандалов с Шарлетт.

О работе речи тоже не шло. О семейном счастье не было смысла думать. Мать и доктор Генье могли сколько угодно убеждать, что даже инвалиды находят возможность приспособиться и существовать в этом мире, но я понимала, как жалко это звучит.

Разумеется, я найду себе какое-то занятие, но это не будет ни что из того, чего бы мне действительно хотелось.

Мое будущее стало таким же пустым, как и прошлое. Я не унывала и не впадала в отчаяние, у меня не было даже зачатков депрессии, но я смотрела на вещи реалистично и не позволяла себе мечтать о том, чему не суждено сбыться.

Только я взяла в руки книгу, на двор заехала машина. Тут же хлопнула входная дверь – это Шарлетт поспешно выскочила на улицу, встречая гостя на пороге.

С растущим изумлением я прислушивалась, как вместо приветствия она начинает ругаться. Полностью перепалку не могла разобрать, но уловила отдельные фразы, в основном «ты виноват», «не позволю» и «убирайся».

С любопытством я подкатила коляску к окну, но подоконник для меня был высоковат, и я не могла увидеть крыльцо. Как это раздражало! Зато отсюда было лучше слышно.

- Пожалуйста, Шарлетт, дай мне с ней поговорить, - голос оказался мужской. Взрослый и низкий, он полон был признания вины, мольбы и печали.

- Исключено! Она только-только оправляется, и я не хочу, чтобы она снова страдала.

- Встреча с друзьями пойдет ей на пользу.

- Я в этом сомневаюсь, учитывая, как ты с ней поступил. Уходи, не желаю тебя здесь видеть.

- Ну, пожалуйста, Шарлетт, всего один разговор! Я сожалею о своей ошибке, но прошу тебя, позволь хоть раз увидеть ее. Я не хотел причинять боли. Может, если она на меня посмотрит, то вспомнит что-нибудь...

- А может, и не стоит ей вспоминать, - сказала, как отрезала, мама. — Ты ведь понимаешь, о чем я.

- Ты не пустила меня в больницу, и я это принял. Но те-

перь-то ей намного лучше, позволь нам уже увидеться! Она все время сидит одна – ты считаешь, это нормально? Ей нужен друг, так почему бы не я? Уверяю, что смогу сделать ее счастливее...

- Ты уже сделал все, что мог! – закричала мама и наверняка попробовала закрыть дверь.

- Я не уйду, - раздались звуки борьбы.

- Ей действительно лучше, - тихо заговорила Шарлетт, пытаясь вразумить навязчивого посетителя. - И, учитывая обстоятельства, это благо для нее. Не надо беречь старые раны.

- А если я пообещаю, что не буду ни о чем ей напоминать? - поклялся парень. - Я люблю ее и сделаю так, как скажете, только позвольте быть рядом.

Я нахмурилась, пытаясь вызвать в мертвой памяти образ юноши, с которым прежде встречалась. Увы, мне это не удалось.

Дома было много фотографий, на некоторых я была запечатлена со школьными друзьями, но нигде не фигурировал бойфренд. Если и существовали снимки, с ним связанные,

они почили вместе с телефоном в небезызвестной аварии.

- Ты хотя бы представляешь, как она теперь выглядит? – понизила голос Шарлетт, и я напрягла слух изо всех сил. Машинально коснулась шрамов кончиками пальцев – рубцы все еще были выпуклые и неровные.

Поначалу мать убрала из дома зеркала ради моего душевного спокойствия, но я высмеяла ее странное решение: как причесаться, не видя себя со стороны? как привести в порядок одежду перед выходом на улицу?

Это было глупо, я ведь не убивалась из-за каждого шрама. Ну, разве что в первый раз, от неожиданности...

Я помнила, как увидела свое отражение после реанимации впервые. Говорят, мое тело прошло сквозь лобовое стекло и при падении прокатилось по острым камням на обочине, вся кожа оказалась иссечена глубокими рваными порезами, которые заживали плохо, сильно изменив внешность.

На своих фотографиях я видела приятную, милую девочку, не пользующуюся косметикой, потому что она была хороша и без нее. Натуральные русые волосы ниже плеч, не нуждающиеся в каждодневной укладке благодаря легкой волне, выразительные глаза с длинными ресницами и красиво очер-

ченные губы.

Ну, что ж, теперь о прежней привлекательности точно можно было забыть – половину моего лица украшали длинные вертикальные рубцы.

Врачи ожидали нервного срыва, но я не помнила себя прежнюю, поэтому мне не с чем было сравнивать.

Мама переживала, что рано или поздно я начну страдать, ощущать себя нежеланной, поэтому в доме зеркало осталось только в ванной, и каждое утро я слышала от Шарлетт ободряющее и лживое «Ты выглядишь сегодня намного лучше, Флоранс, шрамы почти не заметны!».

Я сознательно отказалась от бессмысленных пластических операций, которые стоили бы маме целого состояния. Какая разница, как я выгляжу, если никогда не смогу ходить?

Несколько недель я провела, испытывая ужасные боли от переломов и ран. Потом перенесла огромное количество тестов, пробовала разные процедуры по восстановлению двигательной функции нижней части тела. Пережила многочасовые беседы с психиатром по поводу потери памяти. Пила всевозможные таблетки, от которых либо не было никакого эффекта, либо становилось плохо.

Я так устала, что просто хотела домой. И когда мне сообщили, что предстоит еще и пластика лица, я разрыдалась и умоляла Шарлетт забрать меня в Бепре, даже если не помнила ни матери, ни родного города.

Доктора убеждали меня, что шрамы нужно оперировать как можно скорее, позже исправить недостатки станет сложнее. Но я заверила их, что понимаю последствия. Они не догадывались, насколько это не имеет значения, раз уж я неизлечимо парализована ниже поясницы.

И теперь мне предстояло проверить, насколько я действительно готова к выбранному мной будущему. В школе друзья так меня и не приняли...

Но гость оказался на удивление настойчивым, Шарлетт в конце концов впустила его в дом. Их бормотание доносилось из прихожей, пока я ждала встречи с «другом» из прошлого, которого даже не вспомню.

Мне хотелось больше узнать о себе – с кем общалась, кто нравился мне и почему, как училась в школе и дружила ли с кем-то еще, где бывала и какие предпочитала увлечения, кроме книг. Спросить до сих пор было не у кого, а мама излишне оберегала меня от «потрясений».

Доктор Генье советовал воспоминания не подгонять, не подкреплять их лишними деталями. Рассказанные кем-то другим истории могут запутать, не помочь, а напротив, разрушить естественное восстановление настоящей памяти.

Так что я не успела узнать почти ничего о своей прошлой жизни, по крайней мере, не в подробностях. Я знала только самое необходимое и в общих чертах.

Шарлетт появилась на пороге и посмотрела так, словно я на ее глазах рассыплюсь мелким пеплом, исчезнув навсегда. Она явно ожидала истерики или ужаса, но я не испытывала ни того, ни другого.

По правде говоря, переживаний по поводу случившейся трагедии ждали от меня все и давно, но я так и не оправдала их ожиданий, принимая положение калеки довольно спокойно. Даже старалась подбодрить мать, но чем оптимистичнее вела себя, тем сильнее она начинала волноваться, что срыв не за горами.

- Все в порядке, - заверила я ее, и вправду готовая встретиться с тенью из прошлого. – Я хочу поговорить с ним.

- У меня только одна просьба, Флоранс, - обеспокоено по-

качала мама головой. - Если что-то пойдет не так, и ты почувствуешь себя плохо, расстроишься, или он тебя обидит, не терпи, сразу зови меня, и я выставлю его за дверь.

- Хорошо, конечно, - согласилась я, демонстрируя положительный настрой, но шрамы не давали раздвинуть губы в нормальной улыбке.

За спиной Шарлетт уже возвышалась фигура, но я не могла разглядеть лица в полутени.

- Постарайся не пялиться, - буркнула Шарлетт, проходя мимо парня и пропуская его в мою комнату.

- Внимание – неотъемлемая часть моей теперешней жизни, - саркастично крикнула я вдогонку матери, - надо мне привыкать.

И мужественно подняла глаза навстречу вошедшему гостю, наблюдая, как распахиваются от шока его глаза и открывается рот, и слово «привет» застывает на языке, повисая незаконченным...

Глава 3. Ну да, я такой

- Привет, - начала я первой. Издавала нервный смешок: – Вот это у тебя шок. Так страшно выгляжу?

- Нет, нет, - парень торопливо взял себя в руки, возвращая контроль. Я думала, начнет успокаивать и лукавить, как Шарлетт, но он вдруг поник в плечах и выдал правду: - На самом деле, ужасно...

- О... - удивилась я, честность гостя импонировала, тут же повысив градус доверия между нами. – Спасибо.

- Извини, я не хотел оби...

- О, все нормально, – прервала я бессмысленные извинения с улыбкой. – Мне никто не говорит правду, и от этого уже тошнит. Так что на самом деле спасибо, что не стал юлить и прикидываться, будто с моим лицом все в порядке.

- Узнаю Флоранс Пайни, – лучезарно улыбнулся парень, тряхнув лохматой головой, нуждающейся в расческе, а еще лучше – стрижке. - Ты всегда была сильной, я тобой горжусь!

Он все еще стоял в дверях, занимая целиком не только проход, но и, казалось, всю мою крошечную комнату, сделав ее теснее обычного.

Высоченный, широкоплечий и мускулистый, про таких говорят – косая сажень в плечах. Белокожий и могучий, как медведь. Пышные и спутанные волосы золотисто-янтарного цвета длиной чуть ниже ушей были завязаны на затылке в малюсенький хвостик, но боковые пряди до резинки не дотягивались и, растрепанные ветром, болтались вдоль щек.

На лице – более темного оттенка рыжеватая щетина, словно ее обладатель отращивает бороду. Легкая куртка накинута на футболку и даже не застегнута, хотя на улице лежит снег.

Впрочем, с его солидной комплекцией и особенно происхождением он, возможно, не мерз в принципе: его предки или он сам наверняка были откуда-то с севера, и я отсюда чувствовала исходящий от него жар.

- Ты всегда вламываешься в гости, если тебя не пускают? – беззлобно поддела я, потому что переупрямить Шарлетт было не так-то просто – уж я-то знала не понаслышке.

Он пожал плечами, беззастенчиво разведя руки в стороны.

- Ну да, я такой... - Нахмурился и выдал разочарованно:
- Не узнала, значит, да? - Его лицо стало почти обиженным.

- Нет, - решила и я не врать, виновато вздохнув. – Ты мой парень? Мы встречались?

У него буквально отвисла челюсть, и он помедлил, тщательно обдумывая слова.

- Нет, – наконец, признал он с сожалением. – Пока нет.

Меня порадовало, что мы не были парой. Не представляла его в образе моей половинки, учитывая героев из книг, о которых любила читать. К тому же, было бы крайне неловко общаться с ним как с чужим, если между нами что-то в прошлом было.

- Но я хотел. К этому все шло. В смысле, я старался не торопить, но рано или поздно мы бы точно... - громила осекся и нахмурился. – Прости, я обещал твоей матери, что не стану подсказывать.

- Все в порядке, - успокоила я его. – Доктор Генье заве-

рил, что обычные разговоры не повредят, просил лишь не раскрывать детали – их я должна вспомнить сама. Так что можешь мне сказать, кто ты... и еще имя.

- Ох, - просиял он во все тридцать два зуба, делая шаг вперед и протягивая огромную ручищу для рукопожатия. – Я – Халле. Халле Эрлинг. Мои предки переехали сюда из Норвеи много-много поколений назад. Может, слышала о таком народе севера, как квэны?

Так я и думала, очень уж специфичная была у него внешность.

- Привет, Халле из Норвеи, - хотелось улыбнуться в ответ, но всякий раз мешали шрамы, превращая улыбку в дурацкую гримасу. Из-за этого казалось, что я не бываю в хорошем настроении.

- Так странно знакомиться с тобой заново, - взгрустнул парень, присаживаясь на стул, который немилосердно заскрипел под его весом, готовый развалиться.

Наши лица оказались на одном уровне, и руку Халле не выпустил, продолжая удерживать. Кожа была чересчур теплой для человека, только что вошедшего в дом с мороза.

- Ты не болен? – забеспокоилась я, испытывая неловкость от близости, образовавшейся между нами.

Несмотря на прошлое, которое нас наверняка связывало, и на довольно легкое, приятное знакомство, Халле пока был для меня чужим человеком. Хотелось отнять руку, создать расстояние, хотя это было бы трудно с его габаритами в любом случае – он занимал слишком много места.

- О, это нормально, я просто... горячий парень, - изогнув бровь, отвесил шутку он. – Не обращай внимания.

- Ладно, - согласилась я и все же убрала руку, кладя обе на свои колени. – Ну, так ты расскажешь, зачем пришел?

- Да, - сразу помрачнел парень, выглядя старше, чем показался вначале. Думала, ему лет восемнадцать, как мне, но теперь поняла, что ему может быть больше двадцати. На открытое улыбчивое лицо легла тень, и я ждала, когда он подберет слова объяснения. – Прости меня, Флоранс, это я виноват в том, что с тобой случилось!

Светло-карие глаза были полны отчаяния, и я, конечно же, не могла ответить иначе:

- Конечно, я тебя прощаю! А что случилось?

Халле ругнулся, правда, не вслух, а одними губами. Но я поняла.

- Мы... катались по безлюдной дороге, - Халле прикрыл глаза, как будто ему невыносимо об этом вспоминать, и заговорил, тщательно подбирая каждое слово – боялся сболтнуть лишнее. - Тебе нравилась скорость, но Шарлетт считала, что в семнадцать еще рано водить.

Я закатила глаза: это было так похоже на маму. Ее бы воля, она посадила бы меня под вечный домашний арест и не давала бы в руки ничего опаснее столового ножа, чтобы я не дай бог что-нибудь себе не оттяпала.

Халле криво усмехнулся, полностью соглашаясь с моим мнением, но в глазах застыла грусть, потому что наше «веселье», похоже, имело самые нехорошие последствия.

Глава 61. Превращение

Изумрудное струящееся платье до колен, десятисантиметровые каблуки и заколотые над ушами волосы – результат стараний Линет.

Из зеркала на меня смотрела очаровательная, знойная блондинка, в которой я с трудом узнавала себя: татуировка исчезла вместе с уродливыми шрамами, преображая лицо, волосы приобрели золотой блеск, подтянувшееся тело поражаало изяществом и гибкостью.

Из отличий можно было назвать желтые глаза, меняющие цвет до оранжевого, когда я злилась. И неожиданная сексапильность, которая раньше во мне совершенно отсутствовала.

Я оказалась права: превращение в волчицу делало женщину особо привлекательной для противоположного пола. В этом была своя логика.

У самцов увеличивались все мужские качества, дремлющие в человеческом облики: сила, храбрость, мужество. Но с хорошим приходило и плохое: безрассудство, властность и агрессия. Стремление занять место вожака, драться с лю-

бым, кто покажется соперником, и доказать свое превосходство, становилось непреодолимым.

Вот поэтому женщины легче переносили изменение. В самом деле, что опасного в том, чтобы просто быть чувственной и красивой? Пробуждать в мужчинах низменные желания и умело манипулировать ими?

Контролировать такие порывы гораздо проще, чем взрывной тестостерон.

Нестерпимый голод был одинаковым у обоих полов, но если вовремя его утолять, не становился проблемой.

Я не ощущала в себе того безумия несдержанности, о котором говорили Халле и Крис. Возможно, потому что сразу оказалась в дружественной обстановке: стая Тэмиана выглядела сплоченной семьей, члены которой сосуществовали без типичных волчьих замашек.

Мне не нужно было сражаться с другими за право на жизнь, ожидать в любой момент нападения. Вместо этого все поддерживали и помогали.

Кристав тоже становился уравновешенней в спокойной обстановке. Я заметила это еще в те времена, когда мы стали встречаться: стоило взять за руку, напряжение его отпуска-

ло. Если мы были только вдвоем, и никто не собирался вломиться в дом, он выглядел умиротворенным и ни капельки не опасным, даже если снимал браслеты.

И теперь я лицезрела себя в зеркале. Глаза то и дело опускались к ногам, дыхание спирало от приятного движения мышц, ветерка, нежно ласкающего кожу.
 - Ну, как?.. – шепнул Кристав, положив голову на мое плечо и обняв сзади за талию, отчего мои чувства моментально обострились, переключившись на его нежные, теперь теплые прикосновения.

Я ахнула, когда пальцы, массируя талию, достигли линии, после которой мои ощущения раньше обрывались. Теперь они электрической волной бежали вниз до самых пяток и возвращались, концентрируясь внизу живота. Никогда к этому не привыкну!

 - Завораживает, - признала я, кладя ладони поверх рук Криставиана и через зеркало глядя в его пылающие глаза.

 - Ты невероятная, - выдохнул он, и вновь огненный импульс блаженства пронзил мои ноги.
 Я снисходительно улыбнулась, хотя не могла не признать, что мой новый образ чудодейственно прибавляет уверенности в себе. Это было то, что необходимо, чтобы я почувствовала себя нормальным человеком, даже если для этого пришлось пе-

рестать быть им...

 Мои ощущения изменились – я стала быстрее, выносливее и сильнее. Вкусы тоже, но к этому можно привыкнуть.

По большей же части я чувствовала себя прежней. Обновленной, счастливой, без пяти минут влюбленной в образ в зеркале, поразительно сексуальной и совсем не злобной.

 Больше всего завораживали, конечно, ноги: Линет сознательно нарядила меня в короткое платье и высокие каблуки, чтобы особенно подчеркнуть нижнюю часть тела. Но не стройность ног поглощала все мои мысли, а вернувшаяся чувствительность!

У доктора Шиммера оказались по-настоящему выдающиеся способности, он провел блестящую операцию на моем позвоночнике, совершив чудо.

Я проспала все веселье: Крис обратился ко мне прямо в реальности, пока Линет стояла на стреме, предварительно активировав пожарную сигнализацию, чтобы отвлечь медперсонал.

Это было рискованно, но гораздо важнее было укусить меня вовремя, а не когда станет поздно, и восстановленные нервные окончания вновь огрубеют.

Похищать меня из больницы не имело смысла: свежим шрамам нужен был полный покой, шевелить и передвигать меня было крайне неблагоприятно.

Я очнулась уже волчицей, хотя тогда еще не знала об этом. Обнаружила след от зубов на ладони, когда он начал ужасно чесаться.

Улыбнулась драгоценной метке любимого – лучшему подарку, какой он только мог приподнести. Тревоги почти не испытывала, морально была готова.

Поначалу ничего не происходило, только зуд становился все сильней. И еще заживление – оно шло чересчур быстрыми темпами, доктор начал это замечать. Правда, списывал все на молодость, а не на мистику.

Мы убрались из клиники раньше, чем изменения стали заметны. Мать с отцом считали, что я прохожу реабилитацию, доктору Шиммеру пришлось сказать, что долечиваться я уеду в другое место. Мне оставалось лишь позванивать иногда родителям.

Крис и Линет привезли меня в загородный дом, который стая Тэмиана сняла незадолго до моего прилета. Здесь мне и предстояло полностью переродиться.

Это было не такое уж и страшное, но довольно нервирующее действо.

Зуд увеличивался и рос вместе с Луной, пока не поглотил мои мысли, требуя всего внимания целиком.

Хоть я и понимала, что происходит, не могла контролировать раздражения. Оно разливалось по всему телу и к полнолунию приобрело совершенно определенную форму: превратилось в голод.

И все же самым ярким моментом моего преображения стали не раздражение и не голод, а еле заметный зуд там, где его давно не было.

- Что такое? – шепнул Кристав, когда я шокированно уставилась на свои ноги, заставляя пальцы пошевелиться.

Вот же, щекотка то тут, то там, то на пятке, то под коленом. Мышцы не реагировали, но это теперь было делом времени, я уверена.

Мысль о том, что операция оказалась успешной, привела меня в полный восторг. Надежды на то, что я скоро смогу ходить, оказалось достаточно, чтобы вытерпеть любые муче-

ния.

Полное превращение я запомнила плохо. Стая Люмье проводила все дни полнолуния в подвале, запирая двери и окна на замки и добровольно надевая цепи.

Без прямого попадания лунного света в глаза в целом сохранялся человеческий облик, и ребята просто скучали в домашней обстановке, пережидая опасный момент.

Но со мной все было по-другому. Меня необходимо было «выгулять», чтобы завершить цикл. Без полного превращения в зверя исцеление могло остановиться.

Так что меня оставили в клетке под открытым окном, где я взволнованно ждала своей участи, внимательно наблюдая за ощущениями.

Все началось ближе к полуночи. Я еще не видела в черном небе луны, но мои мышцы вдруг стали наливаться силой и увеличиваться в размерах.

Оказалось чудовищно трудно удержать разум чистым, он стремительно исчезал, подавленный звериной сущностью.

Примитивные мысли полностью завладевали телом: бе-

жать, чтобы избавиться от лишней энергии, рвать и ломать, чтобы снизить агрессию, сожрать что-нибудь сочное и свежее, чтобы сведенный судорогой желудок перестал донимать.

Само превращение я не осознала. Как прошла ночь, не ощутила. Запомнились только смутные фрагменты, по большей части эмоциональные: ненависть к слишком прочным прутьям решетки, тоска по свободе, ярость и злость.

Барашек, которого привязали рядом со мной в клетке, к утру оказался растерзан, и мне было жаль его. Но ощущение сладостного вкуса на языке было единственным приятным воспоминанием ночи.

Проснувшись, я даже не сразу поняла, что на своих двоих бросилась к решетке.

- Эй, где все? – позвала немного сердито: мне не нравилось быть здесь одной, да еще и обнаженной (одежду я порвала в клочья еще до преображения, видимо, вымещая на ней злобу).

У каждого оборотня была своя клетка. Только пары могли находиться вместе: Джарси с Литет и Тэмиан с Ильзой.

Нам с Крисом нельзя было рисковать, пока я не научусь контролю. Теряя разум, я могла напасть на него в любой момент.

Сейчас наступило утро, тела пришли в норму, и Кристав выскользнул из своей клетки, чтобы присоединиться ко мне. Где-то в полутьме зевали наши друзья, ворча, чтобы мы не мешали им отсыпаться.

- Как это было?.. – застенчиво прошептала я, немного дрожа – от волнения, что сижу тут голая и перепачканная, а не от холода.

Кристав бережно облачил меня в свою рубашку, уютную и ароматную, и теперь я могла насладиться его обнаженным торсом, не скрывая восхищения.

- Как обычно, - с ухмылкой показал парень пальцем на погнутую в двух местах решетку, пережившую не один могучий удар. И на тушку, валяющуюся в углу. – Но еда тебя успокоила до самого утра. Ты лишь немножко... - смущенно подбирал он слово, - повыла на луну.

- Орала всю ночь, как подраная кошка, - не стал меня щадить Тэмиан, называя вещи своими именами. – Хоть сейчас дай поспать, а.

Часть 4. Ты стала послушной дочерью?

- Я учил тебя водить, это продолжалось неделями. Мы здорово проводили время, осенью ты уже смогла б получить права, и с машиной что-нибудь придумали бы.

Он вздохнул.

- Но я допустил ошибку: не должен был позволять тебе... гонять на большой скорости. Ха-ха, да разве ты прислушивалась к чьим-либо советам? «Все нормально, Халле! Я уже уверенно держу руль!» - передразнил он меня. – Ну и в какой-то момент ты не справилась с управлением и въехала напрямик в дерево. Ему-то ничего, а тебя – всмятку. Я думал, ты умерла...

Халле моргнул, тщетно пытаясь скрыть ужас.

Его светло-карие глаза были удивительно эмоциональными и живыми, не вяжущимися с такой серьезной, «медвежьей» комплекцией, и вновь я подумала, что ему должно быть меньше двадцати лет.

Рост и плечи, густая щетина на лице внешне делали его взрослее, но внутри он оставался точно таким же подростком, как я.

И отчего-то во мне укреплялась уверенность, что мы точно были раньше друзьями. Может быть, даже с самого детства. Я забыла это, но сердце помнило. И тянулось навстречу интуитивно. С Халле было легко.

- Кажется, я все-таки наговорил то, чего не стоило...

- Ничего, это известная информация, - отмахнулась я. – В истории болезни было написано про аварию, а о вождении мне рассказала мама. Значит, я любительница быстрой езды?

Не представляла себя за рулем, да еще и наращивающей скорость. Это слегка пугало.

- Да-а, ты... любила острые ощущения, - усмехнулся Халле с таким видом, будто это значило что-то особенное, не только машины.

- Ну, тогда поделом мне, - призвала я весь свой черный юмор, разводя руками в стороны: я – живой пример того, чем заканчиваются подобные рискованные заигрывания с судь-

бой.

- Не говори так, - прошептал Халле хмуро. – Виноват я. Не должен был вообще подпускать тебя к машине или хотя бы внимательнее смотреть по сторонам и предвидеть на... что ты не справишься. Права была Шарлетт, зря я все это затеял, тем более в тот самый день. Дороги были небезопасны!

- Это потому, что шел дождь? – уточнила я с кривоватой улыбкой, должно же было найтись объяснение некоторым загадкам, например, почему я свернула к дереву на ровной дороге, а не на повороте.

- Долбаный дождь, - прорычал квэн словно ругательство, ненавидя погоду всей душой, будто она живой человек.

- Но если я искательница приключений, разве не придумала бы другое опасное занятие, если бы ты отказал?

Халле басисто расхохотался:

- Это точно. Ты мечтала проехаться по самой высокой лыжной трассе и даже подумывала о трамплине. Не раз предлагала мне понырять с аквалангом на дно Лаврентии и поискать клады, а в ней ведь даже летом вода не прогревается выше пятнадцати градусов. Ты была такой затейницей, Фло!

Он сконфуженно осекся, когда у него вырвалось слово «была», но я находилась в слишком хорошем настроении, чтобы расстроиться из-за нереализованных безумных идей, тем более забытых. Ясно было одно: если бы не авария, я нашла бы тысячу и один другой способ вляпаться в проблемы.

- Не могу себе представить, что когда-то планировала такое, - к моему удивлению, хотелось рассмеяться, чего за мной не наблюдалось с момента пробуждения после реанимации. – Шарлетт сказала, что я книжный червь, а выходит, что была сумасшедшей?

- Самую чуточку, - Халле сложил большой и указательный палец, улыбаясь.

- Ну, теперь-то уже никогда не получится проверить это, - пожала плечами я, и лицо Халле моментально отразило мучение. Я поспешила его утешить: - Не волнуйся, мне и не хочется.

- То есть ты теперь дома будешь пятую точку отсиживать под вечной опекой Шарлетт? Стала послушной дочерью, как она всегда хотела? Скучная, грустная, покорная Фло... Никаких авантюр, ничего интересного или безумного?

- А разве у меня есть выбор? – указала я на мертвые ноги,

не понимая, какую перспективу он может мне предложить.

Нарушать правила раньше я явно любила, и сейчас испытывала большой подъем внутри, представляя, с каким удовольствием сделала бы все перечисленное. Но как это осуществить, если не можешь ходить?

- Есть! – Халле заговорщицки оглянувшись на дверь и понизил голос: - Я могу вытащить тебя через окно и увезти отсюда...

- Здорово, - похвалила я, давая рвущийся наружу смех, потому что представила маму, бегущую за Халле с грязной тряпкой в руке.

Парень понял, что я издеваюсь, и сбавил планку.

- Ну, я могу вывозить тебя погулять в лес или на озеро, когда потеплеет, или потусуемся в Борлене, где все наши – со временем ты вспомнишь, как с ними было весело! Могу даже свозить тебя в Куоби – в парк развлечений или кино, да даже просто по магазинам прошвырнемся. Всяко лучше, чем торчать в четырех стенах.

- Вряд ли это хорошая затея, - возразила я, вспоминая реакцию одноклассников на мой новый видок. – Буду лишь пу-

гать окружающих, к тому же Шарлетт не отпустит.

- Ну же, Фло, не кисни. – Халле присел на корточки и слегка встряхнул меня за плечи, заглядывая в глаза. – Ты ведь совсем другая и справишься с чем угодно, даже с этим! Ты борец! Признай, что хотела бы жить как прежде, не важно, что у тебя с ногами. Хотела бы гулять и веселиться, выкинуть что-нибудь эдакое. Выбор у тебя есть: вечная скука дома и чужие книжные приключения, - он обвел рукой комнату и указал на окно, - или свобода и настоящие безумства со мной?

- Ну... - улыбнулась я, смущенно разглядывая белокожее лицо парня, который не успел стать моим бойфрендом, но вел себя, минимум, как хороший друг, - конечно, я выбираю свободу. Но...

- Никаких «но», - решительно пресек Халле мои возражения. – Мы уговорим Шарлетт!

Глава 5. Татуировка

- Татуировка, ты сейчас серьезно? – засмеялась я, насколько позволяли шрамы – за этот день я смеялась больше, чем могла себе представить.

- Ну, раз ты твердо намерена отказаться от пластических операций, татушка – это то, что тебе жизненно необходимо! – оптимистично поддержал Халле, толкая мое инвалидное кресло в сторону салона.

- Как это поможет мне чувствовать себя лучше? – поразила я тому, что в устах Халле любое, даже сомнительное мероприятие становилось легко осуществимым и привлекательным, а мое будущее, еще утром казавшееся скучным и бесперспективным, вдруг наполняется светом.

Неудивительно, что я гоняла на большой скорости – с Халле и не на такое можно решиться. Очевидно, я не единственная была авантюристкой в нашей паре, парень страдал безумными идеями не меньше меня.

И то, с какой легкостью я соглашалась на все его задумки, чуть-чуть приоткрывало завесу тайны над моим прошлым характером: я вовсе не была книжным червем или трусихой,

а очень даже любила развлекаться, и даже была не против пощекотать себе нервы чем-то опасным.

Взбесить Шарлетт, набив татуировку на самом видном месте? Гениально!

- Ну, ты же хочешь, чтобы на тебя перестали пялиться? – друг вкатил меня в салон, и мою грудь сдавило от приступа неуверенности, едва я увидела направляющегося к нам мастера, на теле которого не осталось ни одного кусочка чистой кожи. Даже череп, лишенный волос, был разукрашен картинками.

- И ты думаешь, если на лице вместо шрамов появится разноцветный рисунок, на меня перестанут таращиться?! – недоверчиво гоготнула я, не видя в этом никакой логики.

- Смотреть будут, но иначе, - убежденно провозгласил Халле. – Перестанут жалеть.

Хм. Я смотрела на мастера, но не видела черт его лица – только тату. Был ли он красивым до того, как превратил себя в произведение искусства, стал ли более привлекательным или отталкивающим для дам, но в эту минуту я понимала: а что, может сработать.

- Вау, - по достоинству оценила я идею моего нового-старого друга.

Весь день, пока мы гуляли по Куоби, я замечала взгляды прохожих, от любопытных до сочувствующих и даже выражающих скрытое отвращение.

Если рисунки спрячут последствие аварии, оставшееся на моем лице, люди будут замечать только красоту изображения, но не смогут разглядеть за ним неровных рубцов. Одно дело – видеть уродливый шрам. И совсем другое – цветущую розу или крылья парящей птицы.

- Шарлетт убьет нас обоих, – предупредила я, решительно толкая коляску вперед. – Но тебя – в первую очередь!

- Х-ха, можешь мне не рассказывать! - захохотал Халле, совершенно не боясь гнева моей матери, хотя очень даже стоило.

Сомневаюсь, что после такого Шарлетт снова впустит квэна в дом. С этих пор парню, пожалуй, придется навещать меня исключительно через окно. Но он точно не расстроится, а будет даже рад так проказничать.

Нам с трудом удалось уговорить маму отпустить меня на

прогулку, учитывая прошлые обстоятельства и то, что именно Эрлинга Шарлетт винила в моей беде.

Спасло положение мое личное желание выйти на свежий воздух и тот факт, что с его силищей парень точно мог позаботиться об инвалиде и защитить от любой опасности. Помогли и клятвенные заверения Халле, что он хочет загладить свою вину.

Шарлетт уступила. Но как только увидит татуировку, больше никогда не подпустит нас друг к другу. Дома нас ждет настоящий бой.

В каком-то смысле я с нетерпением ждала спора: мне не понравилось, что мать обманом заставила меня сидеть дома.

Она назвала меня книжным червем вовсе не ради комплимента, мол, я была отличницей и зубрилой, а для того, чтобы я не выкинула фокус вроде тех, что перечислил Халле, среди которых вождение было самым безобидным. Она хотела, чтобы я кисла в кресле до самой старости!

Но разве это была бы полноценная жизнь, о которой она так настойчиво твердила?

Мы провели в тату-салоне несколько часов: сначала долго

подбирали подходящую картинку.

Мастер воспринял мою решимость разукрасить себя с таким энтузиазмом, что мне даже стало неловко от его восторгов и внимания. Сказал, что я далеко не первая, кто использует тату как прикрытия для шрамов – это известная практика. Но тату на лице все же редкость.

И именно поэтому он воспринял мой недостаток как настоящий вызов его мастерству: вдохновенно перебирал эскизы рисунков, которые максимально использовали бы естественное направление рубцов, сливались с ними, становились их продолжением, их неотъемлемой частью.

Первым делом он предложил сделать мне полумаску кошки или волчицы, превратив шрам под губой в клык, но Халле категорически возразил и так истово развозмущался, что я невольно заинтересовалась, почему его это так взбесило.

Затем мастер задумал превратить меня в инопланетянку из фильма «Аватар», но тут уж я воспротивилась – не хотела иметь лицо синего цвета. Да и вообще ничего радикального делать не стоило, я же хотела скрыть шрамы, а не выставить себя клоунессой.

В итоге мы сошлись на безобидном цветочном орнаменте

в стиле «Флора» от «Гуччи», женственно подчеркивающих черты лица. Тем более что и имя мое идеально к нему подходило, словно так и было задумано.

Цвета выбрали неяркие и нежные: пастельный беж и розовые розы в светлых салатовых завитках.

Затем началась настоящая пытка, во время которой я должна была неподвижно лежать, терпя довольно колючую боль.

Халле держал меня за руку, подбадривая и одновременно смущая.

Хотя его горячая ладонь ощущалась приятной и очень надежной, я чувствовала себя странно: будто *обязана* полюбить его только за то, что он хорошо ко мне относится. Будто это естественное перерождение нашей давней дружбы во что-то большее, и парень так долго ждал этого момента.

Он был веселым и заботливым, почему же нет?

Но, даже понимая, что других мужчин в моей жизни с вероятностью в девяносто девять процентов не будет, все равно не могла испытать к нему романтических чувств. Может, они придут позже. А может, и нет.

В любом случае, зачем калеке вообще об этом задумываться?

Глава 6. Один из тех неловких моментов

Спустя два часа непрерывного мучения мастер сообщил, что объем рисунка не позволит закончить его за один раз, и предложил растянуть экзекуцию на несколько сеансов. Я скептически переглянулась с Халле, представляя реакцию Шарлетт, но парень заверил, что берет ее ярость на себя.

- Самоубийца, - покачала я головой, когда он выкатил мое кресло из салона.

- Просто хорошо знаю твою маму, - легкомысленно отмахнулся он.

- Она больше никогда не отпустит меня с тобой, - возразила я, с сожалением прощаясь с тату-салонам, потому что была в нем первый и последний раз.

Никакие уговоры или истерики не заставят Шарлетт уступить мне в такой затее. Да, я уже совершеннолетняя и имею право принимать любые, даже абсурдные решения, но зато – полностью зависимая теперь от матери, и она этим, безусловно, воспользуется.

- Отпустит, если увидит, что это делает тебя счастливой.

- Хм, верно, - признала я с удивлением, переосмыслив свои предположения.

Шарлетт беспокоило мое душевное состояние, встречи с психиатром были регулярной обязателькой. Я не улыбалась много месяцев подряд, и Шарлетт так смотрела на меня, будто ждала, что я вот-вот сорвусь в истерику или даже сделаю что-то похуже.

Я не сомневалась, что мама устроит разнос и мне, и Халле, но как только поймет, что мое настроение в разы улучшилось после прогулки с другом, неизбежно сдастся. Она не станет отнимать то, что обеспечивает мой внутренний комфорт. Побесится, потреплет нервы, да успокоится.

К тому же мама не могла придумать мне развлечений, и все, что я делала каждый день, это читала или смотрела телевизор, ждала мать с работы, сходя с ума от скуки и не зная, чем бы еще заняться.

Халле был не только свободен большую часть времени – благодаря семейному бизнесу, в котором играл пока небольшую роль, доучиваясь в общеобразовательной школе, - но

и рад уделять мне все свое внимание, не направленное на старших сестер.

Шарлетт не сможет придумать ни одной причины, чтобы наложить на наше общение запрет. Побузит немного для приличия и отстанет.

- Куда дальше, подруга? – Эрлинг весело катил меня по развлекательному центру мимо ярких витрин. – Шопинг? Кино? Пицца? Американские горки?

- Американские горки?! – Я снова недоверчиво захихикала, но Халле был непоколебим. Его вина за мои увечья становилась все очевидней, но я не злилась: просто на этого ребенка в медвежьем теле невозможно было злиться. Он был очаровательно милым и располагающе открытым.

- Да, а что? – принял вызов он и с непробиваемым оптимизмом развернул коляску к мигающей огнями вывеске с надписью «Это заставит вас встряхнуться!»

Мы провели вместе чудесный день, и я даже временами забывала о своих проблемах. Нашлось несколько каруселей, в действительности подходящих инвалиду: комната ужаса, кривые зеркала и некоторые вертушки.

Затем мы лакомились мороженым и с удовольствием смотрели бесплатную клоунаду, проходившую на первом этаже в просторном холле Центра.

Мой возбужденный спутник собрался сводить меня еще и в кино, но я ужасно устала, к тому же, дело близилось к вечеру, за окнами стремительно темнело, а нам еще предстояла дорога домой на полуразбитом джипе, который Халле ремонтировал чаще, чем на нем катался. Нет чтобы купить новый, но мужчины – как дети, и машины – их самые любимые игрушки.

Так что в один прекрасный момент я, испытывая благодарность за хороший день, все же взмолилась:

- Может, пора передохнуть?

Халле скис моментально.

- Да и Шарлетт наверняка волнуется, - добавила я осторожно. - Не стоит испытывать ее терпение.

- Ладно, - согласился парень, разворачивая коляску в сторону выхода, и мне стало неловко оттого, что я его расстроила.

- Вообще-то есть кое-что, что я хотела бы сделать, пока

мы в Куоби, и я была бы рада, если бы ты мне помог.

- Да? – Эрлинг оживился, и я улыбнулась: уже начинала понимать его лучше.

- Мне нужно в спортивный магазин, подобрать фиксаторы для локтей и запястий: они иногда болят, не выдерживая нагрузки. И... я проголодалась и не против перекусить.

- Супер! – обрадовался парень, открывая перед коляской дверь своего автомобиля.

Это был один из тех неловких моментов, когда я остро чувствовала свою незащищенность: Халле приходилось переносить мою тушку из кресла на руках.

Но, кроме беспомощности меня беспокоила и другая очевидная вещь – парень смотрел так, словно каждый раз прикидывает, а не поцеловать ли, и я боялась, что он действительно попытается. Его глаза блуждали по моему лицу, словно там не было уродливых шрамов, и я самая красивая девушка на Земле.

Но, несмотря на легкость общения, я не могла представить даже такой близости с ним. Не только потому, что физически это стало теперь невозможным.

Халле считал, что между нами что-то назревало в прошлом, какое-то влечение, вот-вот готовое перерасти в любовь, но я этого совершенно не помнила. А теперь еще и не видела никакого смысла: зачем молодому здоровому парню девушка-инвалид, обуза на всю оставшуюся жизнь?

Вряд ли он отдавал себе отчет, каково на самом деле встречаться с той, кто никогда не будет ходить! Но я-то отлично видела сложности и в настоящем, и в будущем. Непреодолимые препятствия, ставящие под большое сомнение даже намек на счастье, на нормальность.

Поэтому всякий раз отводила лицо, опасаясь того, что Халле захочет переступить грань дружбы, а я не смогу даже оттолкнуть его в силу физической неполноценности.

К счастью, пока это были только мои домыслы, а друг, хоть и смотрел на меня с неистребимой надеждой, держал себя в руках.

Мы посетили спортивный магазин и купили все необходимое, а затем стали подыскивать кафе. Просто медленно ехали по центральной улице, разглядывая вереницу витрин и выбирая между домашней кухней и пиццериями.

- Смотри, это прямо как специально для тебя! – обрадованно указал Халле на вывеску, вырубивая к тротуару и ловко паркуя старую машину.

«Флоренсия», - мерцало название, словно лично зазывало внутрь именно меня.

Глава 62. Мой парень – альфа?

- Простите, - буркнула я, ныряя в объятия Криса для защиты, и он с удовольствием прижал меня к себе.

- Все будет хорошо, это же только в первый раз, - утешил он. – Ночью просто некому было закрыть окно. Больше ты луны не увидишь, так что в следующее полнолуние сохранишь разум. Как ощущения?

- Точно, - вспомнила я тут же о самом главном. Вытянув ножки вперед, с широкой улыбкой пошевелила пальчиками. – Ощущения – превосходны!

Крис нежно поцеловал меня в лоб, одобряя мое хорошее настроение.

- Я очень рад, - шепнул он с большим облегчением. – И счастлив.

- Каким волком я была? – поправила я растрепанные серебристые кудри Криставиана.

Он в ответ пропустил через пальцы мои шелковистые локоны, любуясь их насыщенным цветом.

- Дай подумать, - задумчиво пробормотал он, перебирая светлые пряди с золотыми искрами. – Янтарным?

- Мне нравится, - удовлетворенно прикрыла я глаза, чувствуя усталость, наваливающуюся после бессонной ночи и бесплодных попыток вырваться из клетки. – Закрой ставни и давай тоже спать...

Это было полтора месяца назад. Сейчас я уже почти привыкла к переменам.

Изящные браслеты и кулон из серебра, покрытые защитным напылением, носила непостоянно, а только время от времени.

Охотилась, как и все, на свежую дичь. Но только в обычные дни, когда превращение не приводило к потере разума. В полнолуние оборотни всегда сидели дома.

А в неопасное время мы все могли охотиться по-настоящему, рискуя по лесу в удовольствие. Конечно, мы выбирали глухие безлюдные места, но даже если встретили бы человека, простой концентрации хватало, чтобы не навредить ему и уйти со следа.

Я быстро приняла эту неприятную сторону хищника. Она мне даже нравилась: живущему во мне волку казалось, что нет ничего вкуснее кролика, пойманного своими руками. Ну, или лапами.

Сегодня был какой-то особенный день, не зря же Линет нарядила меня как куклу? Я боялась спросить, что за важное событие я забыла, и почему у всех таких хитрые лица, будто мне готовят сюрприз? Вроде бы день рождения у меня не сегодня...
- Пойдем, любовь моя, – у слыбкой подвел меня Кристав к открытой двери, выглядя слишком счастливым и загадочным, чтобы это было случайным совпадением. – Нам пора.

И правда: я довольно сильно проголодалась. Слюнки текли в предвкушении, и думать о возможном сюрпризе было сложновато. Потом спрошу.

- Стойте! – окликнула Линет, когда мы были в одном шаге от леса. – Нужен последний штрих!
Подпрыгнув ко мне с изяществом и стремительностью хищницы, Линет быстро что-то нацепила на мое бедро.

- Важная деталь! – кивнула она самой себе, удовлетворенно прикрыв свой презент подолом моего платья. – Вот теперь – свободны!
Я думала, что совершила ошибку, попав в ту аварию по собственной глупости. Затем испытала восторг вождения гоночной «Мазерати». Но ничто

из прошлой жизни нельзя было сравнить с упоением от скорости, доступной оборотню!

 Я бежала так быстро, что деревья становились росчерками коричневого на зеленом. Радовалась простору, глядя в синее небо. Кружась на месте, улыбалась и вдыхала ароматы дикого леса. Кричала от восторга, ради забавы распугивая стаи диких птиц.

На сегодня в мое меню попался олень. Предпочитала я все-таки кроликов – их мясо было нежнее. Но чтобы насытиться, их приходилось излавливать несколько штук, оленя же хватало всего одного, чтобы нам двоим наесться досыта.

Во время обычной луны ни я, ни Криставиан не завершали цикл превращения, сохраняя человеческий облик все время охоты. Только немного шерсти и удлиненные ушки, удобные когти и острый нюх. Это немного затрудняло поиск дичи, зато в процессе мы могли спокойно поговорить.

Сегодня что-то явно изменилось.

- Давно хотел кое-что тебе показать, - начал Крис издалека, таинственно и серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.